

Список литературы:

1. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 6. Духовная проза. Критика. Публицистика / Н. В. Гоголь; сост. и коммент. В. А. Воропаева и И. А. Виноградова. – М. : «Русская книга», 1994. – 560 с.
2. Салтыков-Щедрин, М. Е. История одного города. Господа Головлевы. Сказки / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. : «Художественная литература», 1975. – 608 с.
3. Солженицын, А. И. Не стоит село без праведника : повести и рассказы / А. И. Солженицын. – М. : «Книжная палата», 1990. – 574 с.

Примечания:

¹ Перечислим несколько изданий, связанных с исследованиями в этой области: *Душечкина, Е. В.* Русский святочный рассказ: становление жанра. – СПб. : Издательский отдел Языкового центра СПбГУ, 1995. – 258 с.; *Есаулов, И. А.* Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского университета, 1998. Вып. 2. – С. 349–363; *Захаров, В. Н.* Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского университета, 1994. – С. 249–261; *Николаева, С. Ю.* Пасхальный рассказ в русской литературе XIX в. – М.; Ярославль : «Литера», 2004. – 360 с.

² О формировании очеркового начала в русской литературе XIX в. см.: Еремеев, А. Э. Биографический жанр как основа синтеза образного и логического (своеобразие философичности раннего Герцена) // Еремеев, А. Э. Русская философская проза (1820–1830-е годы). – Томск : Издательство Томского университета, 1989. – С. 96–114.

Осипова Т. А.

(Гомель, Беларусь)

УДК 811.161.1'42

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; концепт; социальные концепты; художественная проза и публицистика А. И. Солженицына; репрезентация (вербализация, языковое выражение) концептов в тексте.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности языкового выражения ключевых концептов «война», «революция», «социализм», «коммунизм» в художественной прозе и публицистике А. И. Солженицына. Выявляются общезыковые и индивидуально-авторские реализации данных концептов.

В данной статье мы проанализируем особенности языкового выражения некоторых ключевых концептов художественной прозы и публицистики А. И. Солженицына. Концепты исследуются в когнитивной лингвистике – одном из относительно новых направлений в языкознании. Тексты Солженицына весьма интересны с точки зрения репрезентации социальных концептов. Художественная проза дает особенно многочисленные индивидуально-авторские вербализации концептов, поскольку, как отмечают исследователи-когнитивисты, «художественная картина мира – опосредованная, в отличие от наивной картины мира, для нее характерны авторские реализации концептов» [5, с. 53].

Как указывает М. В. Пименова, класс социальных концептов состоит из целого ряда подклассов. Концепт «война» относится к подклассу «концептов ин-

терперсональных отношений» [4, с. 129]. К этому же подклассу относится концепт «революция». Можно выделить также подкласс концептов социальных доктрин (социальных формаций), в который входят концепты «социализм» и «коммунизм».

Концепт *война* находит широкую репрезентацию в произведениях А. И. Солженицына, поскольку многие его произведения посвящены теме революций в Российской империи и войн (т.н. империалистической, гражданской, второй мировой). По мнению В. Д. Серафимовой, «военная проза участника Великой Отечественной войны, лауреата Нобелевской премии А. И. Солженицына (1918–2008) привлекает наше внимание прежде всего мыслями о необходимости бережного отношения к человеку, ценности человеческой жизни. В военных рассказах «Случай на станции Кочетовка» (1962), в двучастном рассказе «Желябугские Выселки» (1998), в односуточной повести «Адлиг Швенкиттен» (1998), как и во всей прозе, А. Солженицын развивает традиции русской литературы – Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, психологически достоверно прослеживает внутреннюю жизнь человека» [6]. Для писателя и публициста А. И. Солженицына важна правда о том, о чем он пишет. Вот что говорит об этом А. Вежицкая: «Александр Солженицын закончил свою нобелевскую лекцию 1970-го года замечанием о том, что «в русском языке излюблены пословицы о *правде*» и что «они настойчиво выражают немалый тяжелый опыт». В качестве примера он приводит следующую пословицу: «Одно слово правды весь мир перетянет», добавляя с намёком на «Архипелаг ГУЛАГ», что на этой вере основана и его собственная деятельность» [1].

Рассмотрим репрезентацию концепта «война» через соответствующее ключевое слово. Лексема *война*, представляющая одноименный концепт, является весьма частотной: по данным Национального корпуса русского языка [2], она употребляется 415 раз в 18 художественных и публицистических текстах автора. Тема Великой Отечественной войны очень важна для писателя: «Верный «правде без всяких прикрас», как и многие другие фронтовики, все острее чувствует, что именно на войне он оказался участником величайших событий XX века, что годы на фронте – едва ли не самое яркое в его бывшей жизни» [6].

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дает следующее определение значений слова *война*: «ВОЙНА, -ы, мн. войны, войн, войнам, ж. 1. Вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства. 2. перен. Борьба, враждебные отношения с кем-чем-н.» [3]. В художественных и публицистических текстах А. Солженицына концепт «война» находит общезыковую репрезентацию – предстает как вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства. Приведем контексты: Как – кончилась война. День был не холодный, сильно облачный («Адлиг Швенкиттен»); ...Значит – и работать, и жить, и питаться, как если б война продолжалась («На изломах»); И *война* так называемая отечественная – да превратится в войну революционную? («Желябугские Выселки»); Отойдёт вот это ощущение как бы всё продолженной войны... («На изломах»); Такого не было за всю войну: прямо на восток! («Адлиг Швенкиттен»); Так и потянулось сплошной войной вот уже седьмой год («Адлиг Швенкиттен»).

В художественной картине мира частотны авторские реализации концептов. Например, война вербализуется как гнев Бога: ...Тит Ливий написал: «Борьба между партиями есть и всегда будет гораздо худшая беда для народа, чем война, голод, мор или любой другой гнев Бога» («Как нам обустроить Россию»). Война репрезентируется как одушевленное существо, личность с негативным поведением: Митька Петрыкин, подобранный от начисто разорённого войной Новосилия ... («Желябугские Выселки»); *Однако этому неслышному хрупкому процессу выделения нового типа интеллигенции [...] не суждено было в России произойти: его смешала и раздавила первая мировая война...* («Образованщина»); *...Недостатки наших мобилизационных предписаний, с которыми нас застала война...* («Случай на станции Кочетовка»). Война – движущийся субъект: *Война?* как будто катила она к концу («На изломах»); *Гражданская война уже шла к концу*, оставался Врангель один («На краях»); *Потому что каждый день и шаг войны связаны были в его пехотинской памяти со страданиями, жертвами и смертями хороших людей* («Для пользы дела»).

Война – это предмет речи человека: Об империалистической войне. Да и о своей эскадронной молодости – что писать, чем отличился? («На краях»), предмет манипуляций человека: *По сравнению тут же с финской войной, бездарно проваленной...* («На краях»); *Он считал, что все выражения эти, вселяющие войну и в самый мир, утомляют людей* («Для пользы дела»); возможный предмет гордости человека: Не гордиться нам и советско-германской войной... («Как нам обустроить Россию»); предмет воспоминаний человека: *А сам Грачиков так и знал, что лучше не разжигать воспоминаний войны* («Для пользы дела»).

Война у А. Солженицына вербализуется как документ: *Немалая трудность и решить: сюда ли, в тюремные потоки, или в баланс Гражданской войны отнести десятки тысяч заложников...* («Архипелаг ГУЛАГ»).

Война находит языковое выражение как место, пространство: Только-только отвоевали, а теперь опять на войну гонят? («Эго»); *...И теперь этих вояк, прошедших всю войну и смявших, может быть, не одну линию вражеских траншей, ждал суд военного трибунала...* («Архипелаг ГУЛАГ»); *...Вступила в последнюю гибельную для себя войну с этой главной целью* («Письмо вождям Советского Союза»); расчерченное место: *Когда перейти черту большой войны...* («Эго»). Война – это точка отсчета: *До войны протирался я не среди таких...* («Желябугские Выселки»); *...Заставили кормить махину государства до войны, всю великую войну и после войны* («Образованщина»).

Война – работа: *Война* – как просто работа, без выходных, без отпусков, глаза – в стереотрубу («Адлиг Швенкиттен»). Война – это игра: *...Разве мы войну выиграем?* («Случай на станции Кочетовка»); *...При всего одной большой войне, выигранной не с лучшими позициями, чем у других...* («Письмо вождям Советского Союза»). Война – жизнь, притом счастливая: *Вы* – как будто вжились в войну. *Вы* – как будто счастье в ней открыли («Желябугские Выселки»).

Отметим индивидуально-авторскую реализацию концепта «война» через метафоры «война – дым»: *...Небо родины снова застлали клубы войны!* («На изломах»); «война – огонь»: *...Уже пылала смертная война...* («Образованщина»).

Интересны многочисленные определения, характеризующие лексему война. Они, как правило, несут негативную оценку: скудные и опасные годы Граждан-

ской войны, сплошная война, отечественная, революционная, империалистическая, Великая, бездарно проваленная, трехлетняя внешняя война, партизанская, большая, большая гражданская, самоистребительная, смертная война, многолетняя гражданская война, проклятая, Вторая мировая война, последняя гибельная война. Отношение А. И. Солженицына к войне, как указывает В. Д. Серафимова, чисто отрицательное: «В рассказе «Случай на станции Кочетовка» писатель развенчивает мифы о войне, отвергает ложный путь идеализации народного характера, говорит – прежде всего – о бережном отношении к человеку» [6].

Концепт *революция* является одним из ключевых в творчестве А. И. Солженицына. Имя существительное *революция*, по данным электронного ресурса «Национальный корпус русского языка» [2], встречается в текстах писателя весьма часто: зафиксировано более 150 употреблений. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет *революцию* следующим образом: «РЕВОЛЮЦИЯ, -и, ж. 1. Коренной переворот в жизни общества, к-рый приводит к ликвидации предшествующего общественного и политического строя и установлению новой власти. 2. Коренной переворот, резкий скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому» [3].

В художественных и публицистических текстах А. И. Солженицына отражается всё то положительное и отрицательное, что несут революции. Прежде всего отметим общеязыковую репрезентацию концепта «революция», когда ядерная лексема имеет словарные значения: *После революции нужны не то что новые слова, но даже новые буквы!* («Настенька»); *И несколько лет назад, до революции, встретились бы где-нибудь...* («Эго»); *Идея всеобщего избирательного права победила во Франции только в революцию 1848* («Как нам обустроить Россию»); — *Революция в литературе ещё, можно сказать, и не началась по-настоящему* («Настенька»).

Абстрактное имя *революция* в произведениях писателя часто олицетворяется. *Революция* может объективироваться как личность – активная, действующая в том числе агрессивно: *И даже так рыдают: «развитие марксизма было приостановлено Октябрьской революцией»* («Наши плюралисты»); *...Однако этому неслышному хрупкому процессу выделения нового типа интеллигенции не суждено было в России произойти: его смешала и раздавила первая мировая война, затем стремительный ход революции...* («Образованщина»); *...Революция расправилась с пробудившей её русской интеллигенцией* («Образованщина»); *Самая крупная революция XX века, взорвавшая Россию, а затем и весь мир...* («Наши плюралисты»). В последнем контексте *революция* вербализуется также как взрывчатое вещество. *Революция* – личность разумная, обладающая интеллектом и речью: *И размышляет философ: «Октябрьская революция последовательно, не минуя ни одного пункта, опровергла все утверждения марксизма»* («Наши плюралисты»); как личность, принимающая помощь: *Его маленькая жизнь значила лишь – сколько он сможет помочь Революции* («Случай на станции Кочетовка»); как «полководец»: *...Мимо известного памятника Борцам Революции...* («На изломах»); *Хорошо жить и бороться для Мировой Революции...* («Молодняк»); *ВЧК – Часовой Революции...* («Архипелаг ГУЛАГ»). Величие революции подчеркивается написанием соответствующего существительного с прописной буквы.

Революция выступает также как предмет манипуляций человека, предмет речи, исследований: ...*Они клеветнически искажают революцию, и тем опасней, чем талантливей они это делают* («Настенька»); *Солдаты [...] приезжали в свои деревни с вестью, что [...] революция сделала ради крестьян...* («Эго»); ...*Кто умеет за всякой мелочью Революцию мировую найти* («Настенька»); ...*Такая революция никем из наших оппонентов не упоминается, не то что уж не исследуется* («Наши плюралисты»); как предмет размышлений, памяти, желаний, чувств человека: *Государству, если мы не жаждем революции, неизбежно быть плавно преемственным и устойчивым* («Как нам обустроить Россию»); *Помнишь – про мировую революцию?* («Желябугские Выселки»); *Он выражал психоидеологию среднего дворянства [...]: оно [...] проявляло боязнь крестьянской революции...* («Настенька»); ...*Откинем мысль о революции...* («Образованщина»).

Концепт *революция* репрезентируется также как пространство: *В его доме [...] девочка и жила до двенадцати лет, сквозь германскую войну и революцию* («Настенька»); ...*Гимназия каким-то чудом продержалась не только сквозь всю революцию, но ещё и несколько лет советских...* («Настенька»).

Приведем контексты с авторскими метафорами «революция – гроза»: *Вот – хоть бы в Китае поскорей революция, что она никак не разразится?* («Молодняк»); «революция – заразная болезнь»: *Один из первых ударов диктатуры пришелся по кадетам (при царе – крайняя зараза революции...)* («Архипелаг ГУЛАГ»). *Революция – некая субстанция: По смыслу и духу революции легко догадаться...* («Архипелаг ГУЛАГ»).

А. И. Солженицын подчеркивает связь войн и революций: *После такой войны не может не быть революции, а?* («Желябугские Выселки»). В качестве синонима лексемы *революция* выступает слово *переворот*: *Октябрь – лёгкий переворот уже сдавшегося режима* («Наши плюралисты»). Эпитеты, определяющие революцию, следующие: *единственная истинная революция, Мировая, Октябрьская, национальная, культурная, массовые кровавые революции, церковная революция*. Они, как правило, указывают масштаб революций и дают им оценку как положительную, так и отрицательную.

Далее рассмотрим вербализацию концепта «социализм» через ядерную лексему. Существительное *социализм* имеет в русском языке следующее значение: «СОЦИАЛИЗМ, -а, м. Социальный строй, в котором основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства и провозглашаются принципы социальной справедливости, свободы и равенства» [2]. В «Национальном корпусе русского языка» [2] содержатся 54 контекста из произведений А. Солженицына со словом *социализм*.

Отметим общезыковую репрезентацию данного концепта – «социальный строй»: Тогда пригласил его и местный университет на курс лекций: «Основы экономической политики социализма» – и Емцов принял вызов, пошёл («На изломах»); Человеческую природу не изменишь и при социализме («Все равно»); Если отказаться от промышленного развития, то как же тогда рабочий класс, социализм, коммунизм, безграничный рост производительности труда и т. д.?.. («Письмо вождям Советского Союза»).

Концепт «социализм» вербализуется и как некая постройка, что характерно для русского языкового сознания («строительство социализма и коммунизма»): Да идеологию «мировой революции или построения социализма» наш автор называет «передовой», её-то тем более нечего бояться («Наши плюралисты»); И тут же вспоминал, как Сталин, возражая Троцкому, обещал построить социализм «не за счёт ограбления деревни» («Бодался теленок с дубом»); Этот потёмкинец продал дочиста свою ферму и скот, и с деньгами и с новеньким трактором приехал в родной край помогать строить заветный социализм («Архипелаг ГУЛАГ»). Солженицын конкретизирует такое языковое выражение концепта, детализируя постройку «социализма»: Интеллектуал-то высокий, да почему кирпичиков не кладёт на социализм? («Бодался теленок с дубом»). Отметим представление писателем социализма как произведения искусства, возможно, скульптуры, что соотносится с общеязыковой объективацией этого концепта как предмета архитектуры: –Смотрите, и в женском молодняке, в осознании мощи творимого социализма... («Молодняк»).

Социализм представлен как эпоха: А к 15-летию Октября добавлена была смертная казнь по закону от седьмого-восьмого — тому важнейшему закону уже наступающего социализма, который обещал подданному пулю за каждую государственную кроху («Архипелаг ГУЛАГ»). Социализм репрезентируется как объект выражения оценки человека: Даже и Достоевского приспособив (где Достоевский поносил социализм – перекинули ту брань на «буржуазный Запад» («Бодался теленок с дубом»).

Социализм вербализуется как пространство: Но еще и до всякой гражданской войны увиделось, что Россия в таком составе населения, как она есть, ни в какой социализм, конечно, не годится, что она вся загажена («Архипелаг ГУЛАГ»).

Концепт «социализм» репрезентируется как биологический объект (растение), который может подвергнуться гниению: За годы гнилого социализма накопились такие и у нас в «теневой экономике» ... («Как нам обустроить Россию»); который связан с ростом: ...Как дети кулаков влюбляют в себя детей бедняков, чтобы «тихой сапой враспи в социализм» («Настенька»); который дает семена и требует определенной почвы: — «Семена социализма погибли в русской почве.» (Тут соглашусь: почва оказалась для социализма крепенькая, пришлось киркой добавлять («Наши плюралисты»). Отметим авторскую метафору «социализм – растение». Как видно, в публицистической речи Солженицына индивидуально-авторская вербализация концепта «социализм» может быть обусловлена опорным текстом.

Социализм также объективируется как нечто жидкое: – «Русский социализм вылился в формы, специфичные для данного народа» («Наши плюралисты»). Социализм вербализуется как материальный объект, стоимость которого можно выразить в деньгах: Вопрос обсуждаемого романа – чего стоит человеку социализм и под силу ли цена? («Бодался теленок с дубом»).

Языковое выражение концепта «социализм» наглядно представляет его связь с концептом «революция»: Специальная узость нашего исследования не даёт возможности охватить, как же именно ЗАДУМЫВАЛИСЬ представители революционного социализма над судьбой так называемой интеллигенции и что же именно они для неё надумали? («Архипелаг ГУЛАГ»).

А. И. Солженицын считал, что социализм в теории и на практике (в России) – это не одно и то же: *«То, что зовётся у нас социализмом, есть типически-азиатское – и русское в том числе – порождение»* («Наши плюралисты»).

Определения, характеризующие социализм, немногочисленны. Прилагательные *плохой, хороший* дают общую оценку, эпитет *гнилой* особенно часто употреблялся в эпоху интенсивной идеологической борьбы. Слова *революционный, заветный, манящий* передают положительную оценку социализма.

Далее представим репрезентацию концепта «коммунизм». Ядерная лексема *коммунизм*, по данным «Национального корпуса русского языка» [2], присутствует в 52 контекстах. Ее значение в русском языке следующее: «КОММУНИЗМ, -а, м. Общественно-экономическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства, при которой ставится целью построение бесклассового общества, полное социальное равенство всех членов общества и осуществление принципа «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям» [3].

Концепт «коммунизм» в текстах А. И. Солженицына находит прежде всего общеязыковую репрезентацию, то есть представляется как социальный строй, притом тесно связанный с социализмом: *Неужели это и есть тот манящий социализм - коммунизм, для которого и клались все жертвы и гибли 60-90 миллионов?* («Письмо вождям Советского Союза»). Данный контекст показывает негативное отношение Солженицына к социалистической и коммунистической идеологии, из-за которой погибло множество людей.

Социализм, по учению его теоретиков, - это первая фаза коммунизма, то есть коммунизм – более важное понятие: «Последователи марксизма [...] называют социализмом первую фазу коммунизма, которая начинается после переходной стадии от капитализма к коммунизму» [7]. Для многих это учение сродни религии, что и выражено в следующем контексте А. Солженицына: *Ведь коммунизм – как и христианство, на той же основе построен, только другой путь* («Настенька»).

Концепт «коммунизм», подобно концепту «социализм», репрезентируется как постройка, что присуще русскому языковому сознанию: *«Для пользы дела» – да: утвердить ценность веры у молодёжи; напомнить, что коммунизм надо строить в людях прежде, чем в камнях* («Бодался теленок с дубом»); – *Не в камнях, а в людях надо коммунизм строить, Виктор Вавилович!!* («Для пользы дела»); *Часы коммунизма – свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула* («Как нам обустроить Россию»). В последнем контексте данный концепт объективируется и как конкретный предмет – артефакт часы.

«Коммунизм» репрезентируется как место (пространство): *Так же в общем виде кажется ясным, что ценою нашего выхода из коммунизма не должна быть кабальная раздача иностранным капиталистам ни наших недр, ни поверхности вашей земли, ни, особенно, – лесов* («Как нам обустроить Россию»). Данный контекст демонстрирует неприятие писателем существующего порядка, поскольку автор провозглашает выход из него. Подтвердим это еще таким примером: – *«В России коммунизм в прошлом» (да сбудется это как пророчество!)* («Наши плюралисты»). Для писателя характерно словоупотребление «страна коммунизма», актуализирующее представление о коммунизме как о

месте: *А что такое Нобелевская премия для писателя из страны коммунизма?* («Бодался теленок с дубом»); *Вообще, сила западной гневной реакции была неожиданна для всех – и для самого Запада, давно не проявлявшего такой массовой настойчивости против страны коммунизма...* («Бодался теленок с дубом»).

А. И. Солженицын представляет различные «виды» коммунизма, отражая представление об этом феномене в обществе: *Сталин-де погубил и убил истинный коммунизм, – размазывает Чалидзе самое затасканное представление о Сталине, какое на Западе мызгают уже четверть века – с XX съезда, когда у всех у них «катаракта пала»* («Наши плюралисты»). Сочетание «убил коммунизм» передает представление о коммунизме как о живом существе.

В отдельных случаях абстрактный концепт «коммунизм» получает вербализацию олицетворения, предстает как личность со своей волей, выполняющая определенные действия: *Никто из плюралистов не взялся нам нарисовать подробное историческое полотно, как это коммунизм хотел утвердиться, да не вышло на русском болоте* («Наши плюралисты»); *Дикий напор военного коммунизма мог только претить инженерам, в бессмыслице инженер участвовать не может...* («Архипелаг ГУЛАГ»). «Коммунизм» также получает метафорическую репрезентацию «дитя»: *Коммунизм был её собственным детищем... в том числе и идеи террора...* («Образованщина»).

Коммунизм (и социализм) для А. Солженицына – это зло, поскольку ради идей уничтожаются люди, человеческая личность: *Но ведь это и искреннее убеждение многих плюралистов, что коммунизм – не зло* («Наши плюралисты»); *И в том, что сегодня человечество на 50% уже проглочено коммунизмом, на 35% туда ползёт, а на 15% шатается, – виноваты сами эти 50, и эти 35, и даже те 15* («Наши плюралисты»).

Имена прилагательные, определяющие коммунизм, единичны и составляют употребительные в русском языке словосочетания: *мировой, военный*.

Таким образом, мы рассмотрели особенности вербализации концептов «война», «революция», «социализм», «коммунизм» в художественной прозе и публицистике А. И. Солженицына. Эти концепты, как и соответствующие общественные явления, взаимосвязаны, и это находит отражение в рассмотренных текстах.

Концепты «война» и «революция» получили более интересную репрезентацию у автора. Их языковое выражение больше представлено в художественной прозе. Как показывает анализ, в прозе и публицистике А. И. Солженицына концепт *война* находит через ядерную лексему разнообразную вербализацию, в том числе индивидуально-авторскую. Интересны авторские метафоры. Особенности объективации концепта *война* в немалой мере обусловлены мировоззрением писателя. Описывая первую мировую, гражданскую, Великую Отечественную войны, писатель выражает свое негативное отношение к войне и провозглашает ценность жизни человека. Что касается концепта «революция», в прозе и публицистике А. И. Солженицына данный концепт находит интересную вербализацию, в том числе индивидуально-авторскую, через лексемы *революция, переворот*. Специфика объективации данных концептов обусловлена мировоззрением писателя. По мнению А. Солженицына, революция принесла России как

хорошее, так и плохое. Величие Революции и ее значимость для России подчеркивается у автора написанием данного слова с прописной буквы.

Концепты «социализм» и «коммунизм» находят свое языковое выражение в основном в публицистике. Автор выступает как противник существующего строя, называемого социализмом (и некоторое время коммунизмом), поскольку считает, что ради идей не должны гибнуть и страдать люди. Эти концепты обычно получают общеязыковую репрезентацию, частотна и метафорическая вербализация концептов (социализм, коммунизм – здание, постройка). Присутствуют и индивидуально-авторские репрезентации рассмотренных концептов, в том числе опредмечивание и олицетворение.

Список литературы:

1. Вежбицкая, А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке. – Русский язык в научном освещении. – № 2(4). – М., 2002. – С. 6-34). – [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://www.philology.ru/linguistics2/wierzbicka-02.htm> – Дата доступа 09.10.2018.
2. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://search.ruscorpora.ru> – Дата доступа 01.10.2018.
3. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/> – Дата доступа 01.11.2018.
4. Пименова, М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования. – Вестник КемГУ. – Филология. – 2013, №2 (54). – Т.2. – с.127–133. – [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/v/tipy-kontseptov-i-etapy-kontseptualnogo-issledovaniya> – Дата доступа 08.11.2018.
5. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ: Восток–Запад, 2007. – 314 с.
6. Серафимова, В. Д. Основополагающие концепты военной прозы (на материале произведений В. Некрасова, Е. Носова, А. Солженицына, В. Быкова и др. прозаиков) – [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://sheshuki.ru/sheshukovskie-chtenija/reports/26-osnovopolagajuschie-kontsepty-vo-ennoj-prozy-na-materiale-proizvedenij-v-nekrasova-e-nosova-a-solzhenitsyna-v-bykova-i-dr-prozaikov> – Дата доступа 31.10.2018.
7. Социализм. – Википедия – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC>) – Дата доступа 10.11.2018.

Луцаков В. Э.
(Брест, Беларусь)

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ПОСЛЕВОЕННОЙ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ (ПО РАССКАЗУ А. СОЛЖЕНИЦЫНА «МАТРЁНИН ДВОР»)

Ключевые слова: рассказ А. И. Солженицына «Матрёнин двор», характеристика персонажа, религиозность, пассионарность, обрядоверие.

Аннотация: в статье проанализированы проявления православной религиозности и пережитков язычества среди персонажей рассказа А. И. Солженицына «Матрёнин двор». Показано распространение христианско-языческого двоеверия в бытовой религиозности, дана краткая богословская критика этого явления.

Согласно одной из версий, слово «религия» происходит от латинского *religare* – связывать [2, с. 8]. Имеется в виду связь посюстороннего с потусторонним, временного с вечным. В христианстве это ещё и восстановление утраченной прародителями в акте грехопадения связи человека с Творцом.